

Доктор Роберт Петерсон, Теология Proper, Сессия 5, Троица, Августин и Константинопольский собор. Есть один Бог

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт А. Петерсон и его учение о собственно теологии или Боге. Это сессия 5, Троица, Августин и Константинопольский собор. Есть Единый Бог.

Добро пожаловать на наши лекции по Доктрине Бога или Теологии как таковой. Давайте помолимся, прежде чем что-либо делать. Милостивый Отец, Сын и Святой Дух, мы преклоняемся перед вами.

Мы признаем, что Ты один — Бог. Мы радуемся, что занимаем свое место как Твои создания. Мы признаем наши грехи.

Мы прославляем нашего Искупителя Христа и Святого Духа, которые открыли наши сердца для Евангелия. Благослови нас и получи честь имени Твоему. Через эти лекции мы молимся.

Во имя Иисуса, аминь. Я вчера дважды упомянул имя Сибелиуса. У меня был кратковременный ступор.

И вместо того, чтобы сказать что-то не так, я просто ничего не сказал. Я подумал, что слушателям могут понадобиться разъяснения. И действительно, они вам, вероятно, нужны.

Сибелиус, как оказалось, и как я сейчас вспомнил, посмотрев это, является одним из главных представителей модалистического монархизма или модализма, который, как вы помните, является попыткой подчеркнуть единство Бога, которое в итоге вылилось в ложное учение, утверждая, что да, есть Отец, Сын и Святой Дух, но что они существуют не одновременно, а последовательно на протяжении истории. Единый Бог теперь появляется как Отец во времена Ветхого Завета, в Евангелиях, в земной жизни Иисуса. Он появляется как Сын, а не как Отец.

Вот что я имею в виду под последовательностью. После Пятидесятницы единый Бог появляется только как Святой Дух. Это ложное учение, потому что действительно есть один Бог и есть три, которые являются Богом, но эти три являются Богом одновременно.

Сибелиус — очень известный модалист . На самом деле, столь известный, другое название модализма — сибелианство . Мы завершаем наш обзор, нашу историческую разведку, если хотите, учения о Троице, и мы добираемся до венца Запада, которым является Святой Августин.

В то время как изложение Августином тринитарной ортодоксальности полностью основано на Писании, его концепция Бога как абсолютного существа, простого и неделимого, превосходящего категории, формирует ее неизменный фон. Таким образом, в отличие от традиции, которая сделала Отца своей отправной точкой, то есть восточной традиции, он начинает с самой божественной природы. Именно эту простую неизменную природу или сущность он предпочитает сущности субстанции, поскольку последняя предполагает субъект с атрибутами, тогда как Бог, по Августину, идентичен своим атрибутам, которые есть Троица.

Именно эта простая, неизменная природа или сущность и есть Троица. Единство Троицы, таким образом, прямо выдвинуто на передний план, субординационизм любого рода строго исключен, утверждал Августин, где все, что утверждается о Боге, утверждается в равной степени о каждом из трех лиц, поскольку оно едино в той же самой субстанции, которая составляет каждое из них. Не только Отец не больше Сына в отношении божественности, но Отец и Сын вместе не больше Святого Духа, и ни одно лицо из трех не меньше самой Троицы.

Это истинная доктрина одной личности, одного Бога в трех лицах и трех равных лиц, составляющих единого Бога. Из этого акцента на единстве божественной природы вытекает несколько следствий. Во-первых, Отец, Сын и Дух не являются тремя отдельными личностями в том же смысле, как три человека, принадлежащие к одному роду, человеческой расе.

Скорее, каждое из божественных лиц, с точки зрения субстанции, идентично другим или самой божественной субстанции. Таким образом, Бог не правильно описан, как Викторин описал его как троичного, триплекс, слово, которое предполагало Августину соединение трех лиц, но как троицу, и лица, можно сказать, по отдельности пребывают или соприисутствуют друг другу. Во-вторых, все, что принадлежит божественной природе как таковой, должно, строго говоря, выражаться в единственном числе, поскольку эта природа уникальна.

Как гласит последний афанасийский символ веры, который является августинским насквозь, в то время как каждое из лиц несотворенно, несотворенно, бесконечно, всемогуще, вечно и т. д., не существует трех несотворенных , бесконечности, всемогущества, вечности и т. д., а одно. В-

третьих, троица обладает единым, неделимым действием и единой волей. Ее действие неразделимо.

В отношении условного порядка три лица действуют как один принцип, и поскольку они неразделимы, то и действуют нераздельно. Это прекрасная ортодоксальность от блестящего человека, который любил Господа. По его собственным словам, где нет различия природ, там нет и воли.

В качестве иллюстрации этого Августин утверждает, что теофании, записанные в Ветхом Завете, не следует рассматривать, как их склонялась рассматривать более ранняя патристическая традиция, как явления исключительно Сына. Иногда их можно приписать Сыну или Духу, иногда Отцу, а иногда всем трем. Иногда невозможно решить, к какому из трех их отнести.

Наконец, Августин сталкивается с очевидной трудностью, которую предполагает его теория: она, кажется, стирает несколько ролей трех лиц. Его ответ заключается в том, что хотя верно, что Сын, в отличие от Отца, родился, страдал и воскрес, остается столь же верным, что Отец сотрудничал с Сыном в осуществлении Воплощения, Страстей и Воскресения.

Сыну подобало быть проявленным и сделанным видимым в силу его отношения к Отцу. Другими словами, поскольку каждое из лиц обладает божественной природой особым образом, то уместно приписать каждому из них во внешнем действии Божества роль, которая ему присуща в силу его происхождения. Это случай того, что поздние западные теологи описали как присвоение.

Это приводит нас к различию лиц, которое Августин рассматривает как основанное на их взаимоотношениях в Божестве. Хотя они идентичны и рассматриваются как божественная субстанция, Отец отличается как Отец, потому что он рождает Сына, а Сын отличается как Сын, потому что он рожден. Дух, подобным образом, отличается от Отца и Сына в той мере, в какой он дарован ими.

Он их общий дар, будучи своего рода общением Отца и Сына, или же любовью, которую они вместе изливают в наши сердца. Он есть эта любовь. Тогда возникает вопрос, что же, собственно, представляют собой эти трое.

Августин признает, что они традиционно обозначаются как личности, но явно недоволен этим термином. Вероятно, он передал ему намек на отдельных личностей. Если в конце концов он соглашается принять нынешнее употребление, то это из-за необходимости подтвердить различие трех вопреки модализму.

Формула три лица была использована, сказал он, не для того, чтобы это можно было сказать, а для того, чтобы избежать необходимости вообще ничего не говорить. И с глубоким чувством неадекватности человеческого языка. Его собственная позитивная теория была первоначальной, и для истории западного тринитаризма, весьма важной, что три являются реальными или существенными отношениями.

Его мотивом при формулировании было желание избежать хитрой дилеммы, поставленной арийскими критиками. Основываясь на аристотелевской схеме категорий, они утверждали, что различие внутри Божества, различия внутри Божества, если они существуют, должны быть отнесены к категории либо субстанции, либо случайности. Последнее было исключено, поскольку у Бога нет случайностей.

Первое привело к выводу, что эти три субстанции являются независимыми. Я должен пояснить, что Аристотель, великий мыслитель, который, в частности, через Фому Аквинского, повлиял на его двухнедельную премию «Средневековое западное богословие», различал субстанцию и акциденции. Сущность этой кафедры — ее сущность.

Она разделяет субстанцию кафедры, сущность кафедры, то, что делает кафедру кафедрой. Акциденции этой кафедры — это ее точная форма, ее цвет, ее вес и так далее, верно? Но рыба не разделяет сущность кафедры, верно? Даже стул не разделяет, и мы могли бы на самом деле спорить, что именно разделяет, но вы понимаете, что сущность или субстанция — это то, что существенно для чего-то, а акциденции не существенны. Это характеристики, которые определяют эту сущность или субстанцию.

Да, мы говорим о подоплеке римско-католического понимания мессы, которая является трансубстанциацией, то есть изменением сущности хлеба и вина, так что они становятся духовно самим телом и кровью Христа. Акциденции, хлеб и вино перед нашими глазами, и которые мы прикасаемся и потребляем, не меняются, но чудесным и невидимым образом сущность меняется, субстанция, так сказать. Это римско-католическая доктрина, которую я не поддерживаю, но я просто объясняю аристотелевское различие между сущностью или субстанцией и акциденциями.

Уайли-арийцы думали, что они держат православных в страхе. Если личности, если Отец, Сын и Святой Дух существуют, они должны быть либо субстанциями, либо случайностями. Вот и все.

Случайностей быть не может. У Бога нет случайностей. Он Бог.

Если вы говорите, что они субстанции, это приводит к выводу, что есть три независимые субстанции, которые звучат для арийцев как тритеизм, политеизм и множественные боги. Августин отвергает обоих автономистов, указывая, что концепция отношения все еще остается. Эти три, продолжает он, являются отношениями, столь же реальными и вечными, как факторы зачатия, рожденности и продолжения или дарования в Божестве, которое породило их, которые порождают их.

Отец, Сын и Дух, таким образом, являются отношениями в том смысле, что каждый из них, кем бы он ни был, находится в отношении к одному или обоим другим. Ни один из них не является отдельной личностью. Они являются частью триединства Божества.

Для современных людей, если только они не обучены технической философии, понятие отношений, выше, правее, больше, чем и т. д., как имеющих реальную субстанцию, звучит странно, хотя они обычно готовы рассмотреть их объективность, то есть то, что они существуют сами по себе, независимо от наблюдателя. Для Августина это было более привычно, поскольку и Плотин, и Порфирий учили этому. Преимущество теории с его точки зрения состояло в том, что, позволяя ему осмысленно говорить о Боге на новом языковом уровне, она позволяла одновременно утверждать единство и множественность божества, не впадая в парадокс.

В-третьих, Августин всегда был озадачен объяснением того, что такое исхождение Духа или чем оно отличается от рождения Сына. Однако он был уверен, что Дух есть взаимная любовь Отца и Сына, единосущная связь, которая их объединяет. Поэтому его последовательное учение состояло в том, что он есть Дух обоих, как он выразился.

Святой Дух не является Духом одного из них, но обоих. Святой Дух не является. Таким образом, он верил, что это было ясное изложение Писания.

Таким образом, в отношении Святого Духа Отец и Сын образуют единый принцип, неизбежно, так как отношение обоих к нему идентично, и где нет разницы в отношении, их действие неразделимо. Поэтому Августин, более недвусмысленно, чем любой из западных отцов до него, учил учению о двойном исхождении Духа от Отца и Сына, латинское *filioque*, *filio*, *son*, *quae* и. Важное предложение *filioque* было тем, что отделяло Восток от Запада.

Восток отверг это. Помните, его акцент на отправной точке и акцент на Отце как Божестве. Я не говорю, что восточные или западные отцы неортодоксальны.

Я говорю, что они делали это по-разному. Отвечая на возражение, что поскольку и Сын, и Дух происходят от Отца, то должно быть два Сына, он заявил, что Сын от Отца, Дух также от Отца, но первый рожден, а второй исходит. Таким образом, первый есть Сын Отца, от которого он рожден, но последний есть Дух и Отца, и Сына, поскольку он исходит от обоих.

Отец является автором исхождения Духа, потому что он породил такого Сына, и, породив его, сделал его также источником, из которого исходит Дух. Дело в том, что поскольку Отец отдал все, что у него есть, Сыну, он дал ему силу даровать Духа. Не следует делать вывод, предупреждает он нас, что Дух имеет, таким образом, два источника или принципа.

Напротив, действие Отца и Сына в даровании Духа является общим, как и действие всех трех лиц в творении. Далее, несмотря на двойное исхождение, Отец остается изначальным источником, поскольку именно от Него Сын черпает свою способность даровать Духа. Мы продолжаем это, говоря о первом, втором и третьем лице.

Мы утверждаем единство, мы утверждаем равенство, но мы даем Отцу своего рода первенство в Святой Троице, как я бы сказал, Священное Писание, как мы увидим. Наконец, мы подходим к тому, что, вероятно, является самым оригинальным вкладом Августина в тринитарное богословие, его использованию аналогий, взятых из структуры человеческой души. Следует отметить, что их функция заключается не столько в демонстрации того, что Бог есть Троица.

По его мнению, Откровение дает достаточно уверенный в этом, чтобы углубить наше понимание тайны абсолютного единства и все же реального различия трех. Строго говоря, согласно Августину, следы Троицы есть везде, поскольку, поскольку создания вообще существуют, они существуют, участвуя в идеях Бога. Следовательно, все должно отражать, пусть и слабо, Троицу, которая его создала.

Однако для истинного образа человек должен смотреть прежде всего на себя. Ибо Писание представляет Бога говорящим: «Давайте, то есть трое, создадим человека по образу Нашему и подобию Нашему». Даже внешний человек, то есть человек, рассматриваемый в его чувственной природе, с доминирующими чувствами, представляет своего рода сходство с Троицей.

Процесс восприятия, например, дает три различных элемента, которые в то же время тесно связаны и из которых первый в некотором смысле порождает второй, в то время как третий связывает два других вместе. Это внешний объект, чувственное представление ума о нем и намерение или акт фокусировки ума.

Опять же, когда внешний объект удален, мы имеем вторую Троицу, гораздо превосходящую, потому что она находится полностью внутри ума и, следовательно, из одной и той же субстанции.

Это есть впечатление памяти, внутренний образ памяти и намерение или установка воли. Однако для действительного образа триединого божества мы должны смотреть на внутреннего человека или душу. И во внутреннем человеке, в его разумной природе или человеческой, которая является самой возвышенной и самой божественной его частью.

Часто предполагалось, что принципиальная тринитарная аналогия Августина в *De Trinitate*, касающаяся Троицы, раскрывается его анализом идеи любви, его отправной точкой в Иоанновом изречении, что Бог есть любовь, в любящего, объект любви и любовь, которая объединяет Отца, Сына и Духа или стремится объединить их. Однако, излагая эту аналогию, он сам считает, что она дает лишь начальный шаг к нашему пониманию Троицы, в лучшем случае кратковременный проблеск ее. Его обсуждение ее довольно кратко и образует не более чем переход к тому, что он считает своей важнейшей аналогией, основанной на внутреннем человеке.

То есть, деятельность ума, направленная на себя или, еще лучше, на Бога. Эта аналогия увлекала его всю жизнь, так что в такой ранней работе, как «Исповедь», мы находим его размышляющим о триаде бытия, знания и воли. В «О триединстве» он подробно разрабатывает ее в три последовательных этапа, результирующие троицы: а. ум, его знание себя и любовь к себе, б. память или, точнее, скрытое знание ума о себе, понимание, то есть его восприятие себя в свете вечного разума и воли или любви к себе, посредством которых этот процесс самопознания приводится в движение, и в. ум как помнящий, знающий и любящий самого Бога.

Каждый из них, в разной степени, раскрывает три реальных элемента, которые, согласно метафизической личности Августина, скоординированы и, следовательно, равны и в то же время, по сути едины. Каждый из них проливает свет на взаимоотношения божественных лиц. Однако именно последнюю из трех аналогий Августин считает наиболее удовлетворительной.

Три фактора, раскрытые во втором, — это не три жизни, а одна жизнь, не три ума, а один ум, и, следовательно, это не три субстанции, а одна субстанция. Но он рассуждает, что только когда ум сосредоточил все свои силы на воспоминании, понимании и любви к своему создателю, то образ, который он несет о нем, испорченный грехом, может быть полностью восстановлен. Подробно останавливаясь на этих аналогиях и извлекая их иллюстративное

значение, Августин не питает никаких иллюзий относительно их огромной ограниченности.

Во-первых, образ Божий в человеческом сознании в любом случае далек и несовершенен, это действительно подобие, но очень далекий образ. Образ — это одно на солнце, другое в зеркале. Во-вторых, хотя разумная природа человека и проявляет вышеупомянутые троицы, они никоим образом не идентичны его бытию в том смысле, в котором божественная троица составляет сущность Божества.

Ух ты! Если вы находите это запутанным, добро пожаловать в человеческую расу. Добро пожаловать в категорию не гениев. Ух ты! Они представляют способности или атрибуты, которыми обладает человек, тогда как божественная природа совершенно проста.

Она не поддается разделению. В-третьих, как следствие из этого, в то время как память, понимание и воля являются его величайшим тринитарным отражением в человеческом разуме, в то время как память, понимание и воля действуют раздельно, три лица взаимно сопresentуют, и их действия едины и неделимы. Наконец, тогда как в Божестве три члена троицы являются лицами, они не являются таковыми в разуме человека.

Образ троицы — одно лицо, но сама верховная троица — это три лица, что является парадоксом, когда размышляешь о том, что, тем не менее, трое более нераздельно едины, чем троица в уме. Это несоответствие между образом и самой троицей просто напоминает нам о том факте, что апостол сказал нам, что здесь, на земле, мы, цитирую, видим как бы в гадательном зеркале. После этого, и только после этого, мы увидим лицом к лицу.

Woo! Работа Августина по этим аналогиям пользуется большим уважением и изучается в разных областях помимо теологии за ее проницательность и креативность. Но в конце концов, похоже, что ни одна аналогия не работает хорошо. Он это признает.

Он сам это признает. Но это было его главным достижением. Константинопольский собор выработал знаменитый Никео - Константинопольский Символ веры, часто называемый Никейским Символом веры.

Никейский Символ веры 325 года был отшлифован, завершен в Константинополе в 381 году. Никейско - Константинопольский Символ веры суммирует большую часть прогресса отца в понимании Троицы. Вот символ веры.

Я цитирую перевод, который появляется в замечательной книге Роберта Летема о Святой Троице. А он, в свою очередь, ссылается на RPC Hanson в книге *The Search for the Christian Doctrine of God, the Arian Controversy*, 318-381, написанной в 1988 году. Вот Никейский Символ веры, обновленный, законченный, в свете собора отцов в Константинополе.

Веруем во единого Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого, и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, Имже все возникло, Который ради нас, людей, и ради нашего спасения сшедшаго с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и сделавшегося человеком, и распятого за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день, по Писанию, и вознесшегося на небеса, и восседающего одесную Отца, и пришедшего со славою судить живых и мертвых, и Царству Его не будет конца. И веруем в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, от Отца исходящего, спокланяемого и сславимого со Отцом и Сыном, говорившего через пророков, и во едину святую, соборную и апостольскую Церковь; исповедуем единое крещение для прощения грехов, ожидаем воскресения мертвых и жизни будущего века.

Аминь. Завершаем несколькими комментариями. Бог — единое существо, которое всегда существовало в трех лицах: Отец, Сын и Святой Дух.

Бог не может быть разделен, что является одним из аспектов божественной простоты. Поэтому каждый человек — это полностью Бог, и весь Бог находится в каждом человеке. Отец, Сын и Святой Дух имеют одну и ту же божественную сущность.

Они единосущны. Когда отцы церкви используют язык происхождения, Отец рождает Сына, который является единородным. Дух исходит или посылается от Отца и Сына.

Они не учат, что лица троицы являются сотворенными существами. Вместо этого этот язык относится к вечным отношениям между лицами. Бог всегда был Отцом.

Сын всегда был Сыном Отца. Дух всегда исходил от Отца и Сына. Отношения между личностями вечны.

Бог всегда был Отцом, Сыном и Святым Духом. Нет другого Бога. Важно, что Символ веры разъясняет учение церкви о Святом Духе.

Он учит личности Духа, когда говорит, что он говорил через пророков. Только личность, а не безличная сила, могла говорить, и это то, что сделал Дух. Символ веры также учит божественности Святого Духа.

Во-первых, он называет его божественным именем Господь. Во-вторых, когда он говорит, что Святой Дух почитается и прославляется вместе с Отцом и Сыном, он воздает ему поклонение, подобающее одному Богу. В-третьих, он приписывает Духу божественные дела творения и искупления.

Когда он говорит, он есть даритель жизни, тот, кто дает физическую жизнь творению и духовную жизнь в искуплении. Мы снова завершаем наш историко-богословский обзор Троицы святым Августином, выдающимся теологом ранней церкви, который сформировал развитие западного христианства. Он наиболее известен своими Исповедями, Градом Божиим и О Троице.

В последнем из них он различает использование и наслаждение. Мы должны использовать или использовать вещи, которые Бог дает нам как средства в конце прославления Его. Но наслаждение принадлежит только Богу.

Мы не должны использовать его как средство для другой цели, ибо он есть высшая цель. Вместо этого мы должны наслаждаться им и находить удовлетворение в нем, любя и служа ему, даже в нашем использовании других хороших вещей. Цитата Августина из «О христианской доктрине», *De Doctrina*, которая заключается в том, что он был учителем риторики до того, как был обращен, и он раскаялся в этом.

Он сказал, что дал безнравственным юристам инструменты для обмана людей. Но в «О христианской доктрине» он суммирует верования католической маленькой буквы «С», вселенской церкви до 400 года нашей эры, и не только это, он очень полезно говорит о герменевтике, а затем он также дает раздел о гомилетике, используя свой большой опыт преподавателя риторики. Это увлекательная маленькая работа.

Вот цитата из «О христианском учении». Истинные объекты наслаждения — это Отец, Сын и Святой Дух, которые в то же время являются Троицей, единой сущностью, превосходящей все и общей для всех, кто наслаждается ею. Троица, единый Бог, из Которого все, через Которого все, в Котором все.

Итак, Отец и Сын и Святой Дух, и каждый из них сам по себе есть Бог, и в то же время все они — один Бог, и каждый из них сам по себе есть полная сущность, и все же они — одна сущность. Отец не есть Сын и Святой Дух. Сын не есть Отец и Святой Дух.

Святой Дух не есть Отец и Сын, но Отец есть только Отец. Сын есть только Сын, а Святой Дух есть только Святой Дух. Всем троим принадлежит одна и та же вечность, одна и та же неизменность, одно и то же величие, одна и та же сила, о которой мы можем сказать только: Аминь.

Хорошо иметь на своей стороне несколько гениев, не так ли? В 1 Коринфянам 1 Павел говорит: оглянитесь вокруг себя в церкви, не так много богатых людей, не так много действительно умных людей. Бог избрал нищие стихии этого мира, чтобы прославить себя, чтобы мы могли хвалиться только Господом, а не человеческой силой, богатством или мудростью, как он цитирует Иеремию по этому поводу. Библия учит, что живой и истинный Бог три-триедин.

По мере того, как мы исследуем, что это значит, мы разберем семь утверждений. Есть один Бог, номер один. Номер два, Отец есть Бог.

Третье, Сын есть Бог. Четвёртое, Дух есть Бог. Пятое, Отец, Сын и Дух неразделимы, но различны.

Шесть, Отец, Сын и Дух обитают друг в друге. Семь, Отец, Сын и Дух существуют в единстве и равенстве. Хотя Священные Писания не дают нам полноценного учения о Троице, когда вы объединяете эти семь утверждений, ух, они указывают нам в этом направлении, скажем так.

Во-первых, есть один Бог. Оба Завета единогласно исповедуют монотеизм, веру в то, что есть только один Бог. Второзаконие 6:4 и 5. Моисей написал: вот заповедь, Второзаконие 6:1, постановления и законы, которым повелел мне Господь, Бог твой, научить вас, чтобы вы их исполняли в той земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, и чтобы боялся Господа, Бога твоего, ты и сыны твои и сыны сынов твоих, соблюдая все постановления Его и заповеди Его, которые заповедую тебе во все дни жизни твоей, и чтобы продлились дни твои.

Итак, слушай, Израиль, и старайся исполнять их, чтобы хорошо было тебе, и чтобы ты не преувеличивал, как Господь, Бог отцов твоих, говорил тебе о земле, где течет молоко и мед. Второзаконие 6, 4. Слушай, Израиль, Господа, Бога нашего, Господь един есть. Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими .

Да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём; и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась, и вставая; и навязи их в знак на руку твою.

Ортодоксальный иудаизм воспринимает этот стих буквально, и ты должен, они должны быть как повязки между твоими глазами. Ты должен написать их на косяке твоего дома и на воротах твоих. Смысл, конечно, в том, что писания должны быть не только исповеданы, но и прожиты перед детьми, внуками и так далее.

Второзаконие 6:4 и 5 — это наш основополагающий текст, по сути. Такие отрывки, как этот, закладывают основу новозаветного учения о Троице. Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь один есть.

Второзаконие 6, хотя этот отрывок и концентрируется на исключительности Бога, он также подразумевает его единство. Господь противостоял и победил так называемых богов Египта в казнях и исходе. Теперь через Моисея он призывает израильтян публично признать, что он, то есть Бог, принадлежит им.

Ранее Моисей провозгласил уникальность Бога в 4:35 Второзакония. Вам было показано, чтобы вы знали, что Господь есть Бог. Нет другого, кроме Него, Второзаконие 4:35.

Среди буйного древнего ближневосточного многобожия, среди буйного древнего ближневосточного многобожия Моисей мощно исповедует единство Бога. Несмотря на заявления хананеев, которые поклоняются Ваалу, египтян, которые почитают Аммона-Ра, и вавилонян, которые преданы Мардуку, Бог Израиля один есть Бог. Другого нет.

Израиль исповедует веру в одного Господа, Второзаконие 6:4 и 5. Израиль должен не только исповедовать монотеизм, но и искренне верить и практиковать его. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими». Стих 5. Народ Божий должен любить его всем, чем он является, и всем, что у него есть, и он должен дорожить Божьими словами и передавать их своим детям в повседневной жизни, стихи 6 и 7. Иакова 2:14–26. У Лютера были трудности с Иаковом, и в его застольных беседах, которые дошли до нас не совсем в надежной форме, ему и Кэти приходилось приглашать студентов в дом, чтобы помочь оплатить счета, и они собирались вокруг стола, и он хвастался перед ними.

Он хвастался и рассказывал истории и так далее, и они принимали его слова как жемчужины мудрости, и там были некоторые жемчужины, но когда он сказал, что иногда ему хочется бросить Джимми в огонь, это не было среди жемчужин мудрости. По правде говоря, он никогда не вычеркивал Иакова из канона, но он поместил его в конец Нового Завета, потому что в нем мало говорилось о Христе, и это был его всеобъемлющий теологический принцип, особенно оправдание верой, это был теологический принцип, этический принцип,

герменевтический принцип, даже канонический принцип. Иакова не вычеркнул, но его поместили в конец.

Кальвин, который считал Лютера апостолом Реформации, хорошо, и вряд ли когда-либо высказался против него в своем комментарии к Иакову 2, говорит Кальвин, в то время как у некоторых есть трудности с этим отрывком, не называя Лютера, он говорит, я не. Если мы обратим внимание на использование языка, то там негармоничность нетрудно найти. Кальвин совершенно прав.

На самом деле, Павел иногда использует эти слова в похожем смысле, но обычно это не так. Так что, тогда как обычно у Павла вера означает искреннее доверие Иисусу как Господу и Спасителю, в Иакова 2:14-26 *pistis* или вера означает исповедание веры. Если человек говорит, что у него есть вера, но нет слов, может ли эта вера спасти его? Нет, нет.

Демоны, они исповедуют единство Бога, демоны говорят « шема» , начало которой взято из Второзакония 6:4 и 5, 6, 4. Это не истинная вера; это исповедание. И тогда как иногда у Павла, особенно рассматривая оправдание с самого начала отношений с Богом, дела — это грязные тряпки, подносимые Богу, чтобы Он мог принять нас. Не только у Павла, он учит, что иногда и дела.

На самом деле, в Послании к Ефесянам 2:10, после 8 и 9, где подчеркивается только вера и только благодать, и все, и в Послании к Титу, где говорится то же самое, только благодать, только вера, дела, дела, дела важны как свидетельство истинной веры. В Послании Иакова 2 дела подтверждают поступки, которые показывают, что исповедание веры подлинно. Это хорошая строка, покажи мне твою веру без дел, и я покажу тебе действительность моего исповедания веры.

Я покажу вам веру мою делами моими. Даже как Авраам, и скандально для евреев, Раав являются примерами людей, которые не только исповедуют веру в Яхве, Раав, да, но и живут, демонстрируя свою жизнь, подтверждая свое исповедание. Даже оправдание используется по-другому в Иакове.

Это больше соответствует ветхозаветному использованию, что имеет смысл для меня, раннего иудейского христианского писателя и послания. В то время как для Павла оправдание обычно рассматривает начало спасения, Иаков рассматривает его в конце, и Бог ручается, оправдывает, он оправдывает своих людей, которые были спасены благодатью через веру, но которые продемонстрировали это своими подтверждающими делами. В любом случае, Иаков пишет иудейским христианам, которые понимают, что единство Бога является основным принципом иудаизма.

В книге Иакова подчеркивается, что Бог един, но также указывается, что простого признания этой жизненно важной истины недостаточно. Это необходимо, это необходимое, но недостаточное условие. Иаков отмечает, что даже демоны знают, что есть только один Бог, и они, конечно, не доверяют Иисусу для спасения.

Тем не менее, этот отрывок в своем контексте является новозаветным исповеданием в гармонии с Ветхим Заветом, что Бог един. Когда мы проводили нашу историческую теологическую разведку, мы видели, что церковь всегда, отправной точкой было единство Бога. Тритеизм не был вариантом.

Это было невозможно. Трудность заключалась в том, чтобы примирить поклонение Иисусу и даже Духу с исповеданием единства Бога. Это было невозможно; церковь не поддавалась искушению сказать, ну, должно быть три бога или два-три бога.

Нет, невозможно. Еще один отрывок, прежде чем мы сделаем перерыв. 1 Тимофею 2:5 и 6, Павел утверждает, что есть один Бог и один посредник между Богом и человечеством, человек Христос Иисус, который отдал Себя для искупления всех.

1 Тимофею 2, 5 и 6. Павел провозглашает единство Бога в согласии с учением Ветхого Завета. Второзаконие 4:35, Второзаконие 6:4, как мы видели. Затем он добавляет к этому, представляя Иисуса как единственного посредника между Богом и людьми.

Живой и истинный Бог открывает себя в своем Сыне, который спасает всех верующих. Он отдал себя как выкуп за всех. Утверждая единство Бога, церковь считает, что в Божестве есть три лица: Отец, Сын и Святой Дух.

Против модализма церковь учит, что там не просто три проявления его бытия, но что Отец, Сын и Святой Дух являются Богом одновременно, а не последовательно. Можем ли мы говорить о трех модусах? Да, но три модуса составляют Бога. Они не просто проявляют Бога.

Я помню, как читал доктринальное заявление церкви на их сайте, и там говорилось, что Бог существует как Отец, Сын и Святой Дух, которые открывают Бога. Я не думаю, что они были модалистами. Но это модалистское заявление.

Это могло быть. Они должны были сказать, кто есть Бог и кто открывает Бога, что-то вроде этого. Итак, мы разобрались с первым из наших семи утверждений, чтобы построить учение о вечности из писаний.

Есть один Бог. В следующий раз мы увидим, что Отец действительно есть Бог и Сын и Дух.

Это доктор Роберт А. Петерсон и его учение о собственно теологии или Боге. Это сессия 5, Троица, Августин и Константинопольский собор. Есть Единый Бог.